

ОДИН ИЗ СМОГА

В 65-м году Наталья Горбаневская сказала, что в России два поэта — Бродский и Алейников

Сергей Шаповал

Рефлексия

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, ваше имя неразрывно связано со СМОГом. Как сегодня вы оцениваете это явление?

— Действительно, никак мимо СМОГа не пройти, хотя это было очень давно. Я считаю, что СМОГ был символом поколения, плеяды. Название придумал Губанов, его идея была замечательной — объединение под некими стягами. Не было цеховой программы, никакой групповщины. Кстати, СМОГ можно трактовать как «смог» — в смысле «сумел». Кто-то сумел, кто-то побыл и отселился, время все расставляет на свои места.

СМОГ возник в 1965 году. Губанов высказал мне эту идею, я ее поддержал. Вскоре я уехал к себе на Украину, а когда вернулся, привычная обстановка круто переменялась: кипение, брожение, пол-Москвы перебаламучено. Было ощущение, что где-то долго лежал колокол, потом в него ударили, и на этот звук потянулись все кому не лень — художники, писатели, поэты, которых тогда в Москве было неслыханное количество. Основными поэтами СМОГа были Леонид Губанов, Юрий Кублановский, я, Аркадий Пахомов. Некоторые, например Саша Соколов, тогда только начинали и проявились позже. Про существовал СМОГ почти два года, а потом был задавлен. Наши акции называли идеологической диверсией, исключали из вузов и т.п. Это не был разгром, просто мы ушли в подполье. Ну не разрешали чтения, выставки — в порядке вещей. Сейчас я порой с ужасом думаю, как часто мы ходили по лезвию и бравоировали этим. Ведь дело доходило иногда и до физической расправы. Меня, например, несколько раз после чтения били по голове, я просто прекратил выступления на людях... Но Бог помог — мы выжили. Хотя судьбы у всех без исключения сложились трагически.

— И все-таки выбор существовал, и люди его делали: кто-то эмигрировал, кто-то шел в диссиденты, кто-то спился, кто-то пытался жить в рамках дозволенного системой. Пришлось выбирать и вам...

— СМОГ был содружеством людей, весьма молодых, ищущих, находящихся в процессе становления. Характеры были очень разные. Губанов, например, был природным лидером, ему нравилось играть при большом скоплении людей. Другим это не нравилось. Я по природе человек замкнутый, стараясь быть подале от суеты. У Кублановского то же самое, у Саши Соколова еще лучше... Я и тогда не видел смысла в писании лозунгов, манифестов и т.п. Кто-то, например Владимир Батшев, считал это необходимым и тянул нас в политику. Выбор назревал нештучный. Постепенно были закрыты все пути к существованию и прежде всего — к изданиям. Всем приходилось где-то работать. А ведь нужно было двигаться дальше, писать и писать хорошо. Необходима была серьезная индивидуальная работа, поэтому групповые действия отошли на задний план. Повторю, дело не в том, что нас разгромили или все распалось, — просто настало другое время. Стало ясно, что на

Владимир Алейников (р. 1946) — поэт. Один из основателей и активных участников поэтического объединения СМОГ (Смелость, Мысль, Образ, Глубина; другой вариант — Самое Молодое Общество Гениев). За период с 1990 по 1994 год вышло восемь объемистых стихотворных сборников. Незданными остаются довольно большое количество стихов, проза, воспоминания. Занимается публикаторской и текстологической работой и в России, и за рубежом. Составил достаточно обширную антологию СМОГа, которая будет опубликована в одном из летних номеров «Нового литературного обозрения». Недавно стало известно, что обсуждается вопрос о выдвижении Алейникова на соискание Нобелевской премии.

публикации нам рассчитывать не приходится. Все походило по редакциям, после чего оставили мечту об издании на родине. Тут и возникла проблема эмиграции. Хочешь не хочешь, но это был политизированный жест, на творчестве сказывающийся, помоему, не лучшим образом. Кублановский решил сыграть в эту игру, но при первой же возможности вернулся в Россию. Я не уехал по простой причине: для меня почва под ногами — это все. Так же как сейчас я не могу жить без Украины, без Крыма.

— Как вы относитесь к евтушенковскому «поэту в России больше, чем поэту»?

— Ну как поэт может быть больше, чем поэт? Это ложная посылка маяковского толка. Я Маяковского не люблю по ряду причин. Придуманное псевдотрадиционные маяковщины проделали колоссальную эволюцию, испортили буквально всех официальных поэтов и повлияли на многих, вплоть до Бродского. Было принято считать, что лобовые приемы хороши, потому что лучше усваиваются. На самом деле это, конечно, не так. В русском стихотворении вроде бы простые слова, но там присутствует некий ход, в буквальном смысле связь с космосом. Тысячи раз я читал какие-нибудь двенадцать строк из Тютчева, и каждый раз — огромная ощущения. В этом есть огромная тайна, которая, возможно, заключается в поэтическом восприятии мира как единого организма. Многие советские поэты, как и люди, преследующие исключительно формальные цели, — по существу разрушители, и это сказывается в стиле. Язык мстит за небрежное отношение к нему. Здесь может помочь только чутье, а им обладают не все поэты. И потом, в мрачные времена, надежда всегда была при нас, чего-то лучшего все-таки ждали. Сейчас я замечаю, что об этом говорят все меньше. Жизнь одним днем, прямо по Тютчеву: «день пережит, и слава Богу». Это, видимо, симптом междувременья.

— После смерти Бродского заговорили о том, что ушел последний великий русский поэт XX века...

— Без сомнения, он крупный поэт. Но мы с ним полярные люди, как плюс и минус. У меня никогда не возникало желания сблизиться с ним. Помню в 65-м году Наташа

Горбаневская прочитала мои тогдашние стихи, позвонила мне и сказала: я считала, что в России есть один поэт — Бродский, теперь вижу, что два — Бродский и Алейников. Примерно то же говорила и Наташа Светлова, будущая жена Солженицына. Но для меня Бродский — как бы другой материк. Я чувствую за собой большую силу, потому что очень остро воспринимаю свою землю во всей ее протяженности. Занимаясь последние годы нашей древностью, я обнаружил глубинную связь моих стихов с нею, мои истоки там. У Бродского другая задача. Его стихи великолепно сделаны, они, бесспорно, обладают внешним блеском, но в них ощущается какой-то холодок: это и не русская поэзия, и не англоязычная. Я думаю, Бродский самому себе доказал, что может начать все заново, оторвавшись от родины. Наверное, миссию первокадма между русской и американской культурой он осуществил.

— Чье творчество является для вас образцом поэтического вкуса?

— С малых лет я любил украинские песни, Шевченко, Сквороду, Тычину и сейчас знаю, что это мое. Конечно же, невероятно важна русская классика — Пушкин, Баратынский, Тютчев, Анненский, Хлебников... Суть в том, что настоящий русский поэт — по природе своей сеятель. Разбросать зерна, которые потом дадут всходы, в этом, по-моему, основная задача поэта.

— Интересно, что в первую очередь вы называли украинские песни и украинских поэтов...

— В украинских песнях содержится память о древности — о Троянской Руси и Руси более древней. Точно найденный в музыке лад, тон задает особые струны в душе. Это же относится и к украинскому языку. Уникальность прозы Гоголя вызывает вопрос: на каком языке это написано? Подобный вопрос возникает и по отношению ко мне: я украинский или русский поэт? Кстати, одно время я писал по-украински. И дело здесь не в сознательном поиске. Пикассо говорил: я не ищу, я нахожу. У меня одна книжка называется «Чутьем и наитием», мое стремление к синтезу культур как раз и осуществляется чутьем и наитием. Я его чувствовал и в меру сил выражал. У меня есть твердое убеждение (видимо, это голос крови), что дремучая древность выражена более ярко именно в украинской культуре. Мне трудно это объяснить. Мне доводилось видеть первоклассные иконы, написанные на севере России, просто шедевры. Но когда я вижу в украинских селах наивные иконы, декоративную живопись на стекле или рушники с праславянской символикой, они мне гораздо больше говорят, я чувствую — это родное. Мне часто говорили, что мои стихи звучат как-то по-особому, музыкально. Я думаю, что в этом проявляются мои украинские корни...

ПОДНИМИСЬ НА КРЫЛЬЦО

Извлечения из новой книги стихов

Владимир Алейников

Из-под пера

Аккордеон пятидесятых,
Пигмалион!
Фантомов лысых и усатых
Синедрион
С портретов, слишком уж обильных,
Глядит сквозь даль,
Где не отыщешь в семимильных
Твою печаль.
В погнве радости и злости,
С огнем в груди,
Межа раскинет дядя Костя —
Не подведи! —
И вот мелодия вскипает,
Ступает вброд, —
И сквозь тельняшку проступает
Соленый пот.
Хамелеон пятидесятых,
Аккордеон!
Созвать ли нас, всех вместе взятых?
Нас — легион!
Еще обугленный войною,
Как на арге,
То выдаст что-нибудь родное,
А то — танго.
На грани замершего вздоха
В который раз
Иродиадою эпоха
Пускалась в пляс —
И все сбывается, тревожа
Уже всерьез —
Не трогай клавиши! — ну что же,
Не надо слез.
1994

Восприяття ли смято лицо,
Лихолетья ли скрыта личина,
Благодатью ли стала кручина —

Поднимись на крыльцо,
Поднимись на крыльцо и взгляни
В эту глубь роковую,
Где бредут вкрутовую
Все, кто сны населяли и дни,
Все, кто пели когда-то о том,
Что свеча не сгорала,
Все, кто жили как гуще аврала
С огоньком и гуртом,
Все, кто были когда-то людьми,
Но легендами стали,
Чтоб сквозь век прорастали
Их слова, — всех, как есть, их прими,
Всех, как есть, их пойми,
Несуразных, прекрасных,
Ясный свет для потомков пристрастных
Из ладоней их молча возьми.
1994

Страны разрушенной смятенные сыны,
Зачем вы стонете ночами,
Томимы призраками смутными войны,
С недогоревшими свечами
Уже входящие в немислимый провал,
В такую бездну роковую,
Где чудом выживший, по счастью, не бывал, —
А ныне, в пору грозную,
Она заманивает вас к себе, зовет
Нутром распахантым, предвестием обманым
Приюта странного, где спавшим пропльнет
В челне отстранном по звядающим туманам —
И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
и плеска легкого под веслами тутими
Волны, направившейся к берегу, — таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, — кого, скажите, ждут
Там, где раздолже только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему стоаеть?
1993